

—

Хотя называть кого-то «папой» в качестве штрафа было неловко, Хэ Минцзе гордился тем, что он человек слова. Он сделал ставку, и он ее сдержит.

Если бы он этого не сделал, как бы он сохранил свою репутацию?

Прочистив горло, Хэ Минцзе глубоко вздохнул, борясь со смущением, и крикнул Пан Юю: «Папа!»

Он сдерживался так долго, что когда он наконец закричал, его голос был громоподобным. Кроме Пан Юя и Сунь Хаосяна, все остальные были поражены, прежде чем разразиться смехом.

«Ха-ха-ха, Хэ Минцзе, ты с ума сошел?»

«Старина Хэ, с каких это пор у тебя появилось хобби называть всех «папами»?»

«Хэ Минцзе, ты в классе, полном людей. Кого ты зовешь?»

Поскольку он уже это сделал, не было смысла сдерживаться.

Этот «папа», казалось, повернул переключатель в Хэ Минцзе, полностью освободив его. Стоя в гордой позе с обеими руками на столе, он громко заявил: «Все здесь — мои папы!»

Он не хотел звать по отдельности — это было бы утомительно и неловко, особенно в присутствии девушек. Поэтому, прочищая горло, он снова крикнул: «Папа!»

На мгновение класс затих, а затем разразился истерикой, радостными криками и свистом, от которого едва не сотрясся потолок.

Хэ Минцзе был вполне доволен шумом, который он вызвал. Но как раз, когда он собирался сказать что-то еще, он почувствовал, как его дернули за ухо.

Сунь Фуань вошел со строгим видом. «Я слышал вас из коридора. Разве я не говорил вам, что громкие звуки не допускаются в классе, даже во время перемен?»

Сегодняшний фондовый рынок пострадал, заставив Сунь Фуаня по-настоящему почувствовать боль от потери. После того, как он потратил весь день на то, чтобы собраться с мыслями, он

пришел проверить класс, но услышал крик Хэ Минцзе, как только приблизился.

Едва сдерживая раздражение, Сунь Фуань еще сильнее дернул Хэ Минцзе за ухо.
«Игнорируешь мои правила, да?»

Все еще морщась, Хэ Минцзе захныкал: «Учитель, мне больно! Физическое наказание против правил!»

Сунь Хаосян: «...»

Сунь Хаосян не мог не вздохнуть. Почему бы просто не извиниться тихо, вместо того, чтобы провоцировать его? Это был самосаботаж.

Конечно же, услышав это, Сунь Фуань презрительно усмехнулся: «Разве здесь не все твои «отцы»? Как дисциплинарное наказание моего сына может быть нарушением?»

С этими словами он отпустил Хэ Минцзе, но щедро похлопал его по спине. «Похоже, тебе нужно чем-то себя занять. Возьми утренний тест по математике и иди ко мне в кабинет. Возвращайся, когда закончишь».

Хэ Минцзе, обычно немного смутьян, знал свои пределы. Тест по математике, который Сунь Фуань дал им ранее, был полон сложных задач, и он знал, что не закончит его без посторонней помощи за один учебный период.

Понимая, что он слишком глубоко влип, Хэ Минцзе взмолился, но было слишком поздно. Сунь Фуань не собирался отпускать его так просто.

Смирившись, Хэ Минцзе поплелся за Сунь Фуанем, бормоча жалобы себе под нос.

Бо Цзинь, полулежавший в кресле, наблюдал за удрученным видом Хэ Минцзе и размышлял: «Почему он всегда находит кратчайший путь к неприятностям?»

Се Жуань наблюдал за развитием драмы, и его щеки болели от смеха.

До перевода в этот класс он считал, что отличники тихие и равнодушные. Но проведя с ними время, он нашел их на удивление интересными.

Ну, всех, кроме парня, сидящего рядом с ним.

«Значит, ты должен спросить себя», — Се Жуань многозначительно взглянул на Бо Цзиня.

Бо Цзинь, озадаченный, ответил: «Какое отношение это имеет ко мне?»

«Рыбак рыбака видит издалека, верно? Хэ Минцзе — твой брат, не так ли?»

Увидев, что Бо Цзинь не находит слов, Се Жуань удовлетворенно ухмыльнулся. Он схватил с полки учебник по английскому языку, думая, что заодно займётся домашним заданием, пока у него хорошее настроение.

Едва он открыл рабочую тетрадь, как Бо Цзинь спросил: «Ты же знаешь эссе «О любви к лотосу», да?»

Се Жуань: «?»

«Что ты имеешь ввиду?»

Бо Цзинь лениво ответил: «Я лотос, незапятнанный мутной водой».

Се Жуань: «...»

Точно, он забыл, что бесстыдство не знает границ.

Проучившись некоторое время у Бо Цзиня, Се Жуань понял свои сильные и слабые стороны в разных предметах. Он считал большинство предметов доступными для освоения и даже любил математику и химию. Однако английский был другой историей — как бы он ни старался, он просто не мог с ним справиться.

В результате, потратив целый вечер на учебу, ему удалось выполнить только половину запланированных упражнений по английскому языку.

Думая о будущем, он сунул рабочую тетрадь в сумку, решив, что возьмет ее с собой в общежитие Бо Цзиня сегодня вечером — просто на случай, если ситуация станет слишком неловкой, у него будет повод сосредоточиться на домашнем задании.

Уверенный в своей предусмотрительности, Се Жуань еще не осознал, что полностью недооценил Бо Цзиня.

Смущение? Такого слова даже нет в словаре Бога Бо.

—

«Ты сначала примешь душ или мне стоит это сделать?» — спросил Бо Цзинь у Се Жуаня в

комнате 405 общежития, закрывая дверь.

Это был второй раз, когда Се Жуань был в общежитии Бо Цзиня. В первый раз он пришел только чтобы что-то оставить и даже не зашел внутрь. Теперь, увидев это место по-настоящему, он заметил, насколько оно чистое — его легко можно было бы выдать за образцовое общежитие, совершенно не похожее на типичную комнату в общежитии для парней.

Как раз когда он оглядывался вокруг, вопрос Бо Цзиня ударил его как гром среди ясного неба. Се Жуань посмотрел на него с невыразимым лицом: «Ты можешь не формулировать это так?»

Это звучало так, как будто они... планировали интрижку.

«Что не так с тем, как я спросил?» — спросил Бо Цзинь, уже наполовину повесивший свою форму на перила кровати, с искренним удивлением. «Я просто спрашиваю, хочешь ли ты принять душ или нет. О чем ты думал?»

Он цокнул языком. «Только грязные мыслители видят грязь. Ого, я не ожидал, что ты так ждешь сегодняшнего вечера. Если бы я знал...»

Се Жуань парировал с серьезным лицом, замахиваясь на него рюкзаком. «Какого черта я должен ждать?»

Бо Цзинь поднял руку, небрежно блокируя рюкзак, летящий ему в лицо. «Не то чтобы я был против», — добавил он, и в его голосе прозвучали едва заметные намеки.

Ошеломленный на мгновение, Се Жуань наконец понял, и его уши мгновенно покраснели.

Он так ошибался! Ему следовало просто молчать и позволить словам Бо Цзиня пройти мимо, не давая ему никаких возможностей!

«Я приму душ». Схватив принесенную с собой сменную одежду, Се Жуань отвернулся и, не оглядываясь, направился к выходу.

Наблюдая, как он убегает, Бо Цзинь усмехнулся, затем придвинул стул и начал проверять упражнения Се Жуаня, выполненные той ночью.

Он быстро заметил, что у Се Жуаня на самом деле не было особых способностей к английскому — слегка перефразированные вопросы того же типа сбивали его с толку. Но было очевидно, что он усердно работал; на бумаге было много исправлений и пометок.

Улыбнувшись, Бо Цзинь взял карандаш и записал заметки по грамматике. Решение задач никогда не требовало от него стольких подробностей, поэтому он часто ловил себя на том, что

пропускает ненужные моменты, и ему приходилось возвращаться и стирать, переписывая все более тщательно.

К тому времени, как Се Жуань вышел из ванной, Бо Цзинь уже отложил ручку.

Услышав его, Бо Цзинь поднял глаза. «Я исправил упражнения. Сначала проделай их самостоятельно, посмотри, сможешь ли ты... разобраться в них...»

Голос Бо Цзиня затих, его взгляд устремился на Се Жуаня.

Се Жуань вышел из ванной комнаты, его кожа была еще теплой и слегка покрасневшей после душа, на его светлом лице проступил легкий румянец.

Он был одет в черную футболку *oversize*, которая свободно висела, вырез сполз на одну сторону, открывая поразительную ключицу. Капля с его влажных волос стекала вниз, следуя изгибу его ключицы, прежде чем исчезнуть под тканью — соблазнительно таинственно.

Когда он двигался, футболка время от времени прилипала к его телу, подчеркивая его стройную, подтянутую фигуру.

«Ты все отметил?» Се Жуань подошел небрежно, не подозревая о сцене, которую он представлял, с полотенцем в руке, наклонившись, чтобы увидеть исправления. Его влажные волосы, свисающие низко, коснулись щеки Бо Цзиня, оставляя след щекочущих ощущений.

«Спасибо, иди в душ. Я посмотрю». Се Жуань расстелил полотенце на кровати, жестом показывая Бо Цзиню, чтобы тот дал ему немного места.

Но Бо Цзинь не двинулся с места.

«Бо Цзинь?» — снова позвал его Се Жуань.

Вздрагнув, Бо Цзинь пришел в себя.

«Чёрт», — подумал он, стиснув зубы. «Я схожу с ума».

«Хорошо», — голос Бо Цзиня звучал слегка напряженно, когда он встал, повернулся спиной к Се Жуаню и направился напрямиком в ванную.

«Что с ним?» — озадаченно пробормотал Се Жуань, но пожал плечами и сосредоточился на своих упражнениях.

Он был от природы смышленным, и помощь Бо Цзиня только упростила задачу. Даже с его нелюбимым предметом, английским, он, казалось, освоился. К тому времени, как он справился со всеми сложными частями, прозвенел звонок на отбой.

Улыбнувшись про себя, Се Жуань закрыл книгу, испытывая глубокое чувство выполненного долга.

«Что тебя так тайно радует?» — поддразнил Бо Цзинь, откидывая одеяло. Он повернулся и поймал выражение лица Се Жуаня, посмеиваясь. «Рад делить кровать со старостой класса?»

«Перестань льстить себе», — не сдерживаясь, парировал Се Жуань, удобно устраиваясь на одеяле, которое разложил Бо Цзинь. «Ты спишь или нет?»

«О, я сплю», — ухмыльнулся Бо Цзинь, приподняв одеяло и ложась рядом с ним.

Кровать в общежитии была узкой, поэтому, когда там лежали два высоких парня, их конечности неизбежно соприкасались. Конец октября был еще теплым, и для двух подростков, излучающих тепло, каждое прикосновение ощущалось как огонь, практически обжигающее.

Се Жуань чувствовал себя неловко, ему хотелось немного пошевелиться, но, видя, что Бо Цзинь тоже не двигается, он чувствовал себя слишком неловко. Однако через некоторое время он начал чувствовать сонливость.

Когда его глаза уже почти закрылись, он что-то вспомнил и, находясь в полусне, сказал: «Бо Цзинь...»

Голос рядом с ним тут же ответил: «Да?»

«Тебе лучше не взбираться на крышу, пока я сплю, понял? Если ты это сделаешь...» Его голос затих, становясь все тише и тише, пока не исчез совсем.

Он, должно быть, действительно беспокоится, что я пойду туда, раз он все еще думает об этом в это время.

Бо Цзинь подавил смех, ожидая, когда он закончит. Через мгновение, поняв, что он затих, Бо Цзинь повернулся, чтобы проверить, и увидел, что тот уже уснул.

Шторы в общежитии не были полностью задернуты, поэтому ясный лунный свет просачивался сквозь щель, мягко освещая лицо Се Жуаня.

У мальчика были поразительные черты, с высокой, выраженной переносицей и изящно вылепленными скулами. Свернувшись мирно рядом с ним, он выглядел совершенно иначе, чем

обычно дерзкий.

Бо Цзинь почувствовал легкий толчок тепла в глубине души. За все эти годы, за бесчисленные бессонные ночи никто никогда не заботился о нем так.

Хотя Се Жуань спал крепко, как поросенок, одно его присутствие приносило утешение.

Бо Цзинь улыбнулся, увеличив мощность кондиционера на два градуса, а затем закрыл глаза.

На следующее утро, когда Се Жуань проснулся, он почувствовал странную скованность, как будто что-то удерживало его на месте.

Нахмурившись, он открыл глаза, но увидел не потолок общежития, а... стену.

Когда его память медленно вернулась, он вспомнил, что прошлой ночью делил постель с Бо Цзинем. И в этот момент Бо Цзинь держал его сзади, крепко обхватив руками и удерживая его на месте.

Се Жуань попытался пошевелиться, проверяя свою способность встать первым. Но в следующую секунду он замер.

Как и его владелец, обычная утренняя реакция мальчиков была смелой и настойчивой, давая о себе знать.

Се Жуань был ошеломлен целых полминуты, затем его лицо постепенно покраснело.

Над ним раздался тихий смешок Бо Цзиня, явно осознающего сложившуюся ситуацию.

Разум Се Жуаня помутился, и он попытался перевернуться, но тут же был прижат к кровати быстрыми руками Бо Цзиня.

Он стиснул зубы: «Какого х*я ты смеешься? Отпусти меня!»

Вместо того чтобы сделать то, что он просил, Бо Цзинь лишь усилил хватку.

Это заставило Се Жуаня еще больше осознать ситуацию.

Пар практически вырвался из головы Се Жуаня, хотя было неясно, от гнева или от смущения. Он изо всех сил старался не наброситься, яростно ворча: «Бо Цзинь, ты с ума сошел?»

Бо Цзинь усмехнулся, и его тон был многозначительным: «Разве ты сам этого не почувствовал?»

Се Жуань: «...»

Се Жуань хотел его нокаутировать: «Чего именно ты хочешь?»

«Ничего особенного», — спокойно сказал Бо Цзинь, глядя на покрасневшие мочки ушей Се Жуаня. «Просто хотел убедиться, что ты знаешь, что мои почки определенно не «слабые»».

Се Жуань не мог понять его рассуждения. Может ли это быть невидимым барьером между лучшим учеником и средним учеником?

«Какое мне дело до того, слаб ты или нет?»

«О, это не так?» Бо Цзинь поднял бровь. «Тогда зачем ты делал мне воду из ягод годжи?»

Се Жуань на мгновение ошеломился, поняв, почему Бо Цзинь выкинул этот трюк. Он мгновенно пришел в ярость: «Кто сказал тебе, что вода из ягод годжи помогает от слабости почек? Она помогает тебе спать!»

Бо Цзинь на мгновение опешил, а затем уткнулся лицом в шею Се Жуаня и от души рассмеялся.

Какое огромное недоразумение.

С какой стати Се Жуань должен беспокоиться о том, что ему нужен тоник?

Теплое дыхание Бо Цзиня на его шее вызвало дрожь по позвоночнику Се Жуаня, заставив его инстинктивно отпрянуть. Подняв локоть, он ткнул им назад, проворчав: «Отпусти! Тебе совсем не стыдно?»

«Мне? Вовсе нет», — ответил Бо Цзинь, ничуть не смутившись. «Смущаться должны только те, кто не может встать».

Се Жуань: «...»

Черт возьми, он высказал верную точку зрения, и у Се Жуаня не было возможности поспорить.

«Ты отпустишь меня или нет?» Се Жуань был на пределе и пригрозил: «Если ты этого не сделаешь, я... я сломаю эту штуку».

Бо Цзинь изначально собирался отпустить его, но, услышав эту угрозу, он просто усмехнулся. Его нельзя было винить — Се Жуань был тем, кто первым бросил ему вызов.

Он присвистнул и сказал с улыбкой: «О, тогда ты должен это сделать. Не сделаешь — значит, ты не настоящий китаец!»

—

<http://bllate.org/book/14492/1282605>